

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16322

EDN: VVNRIM

Ницшеанская парадигма красоты в поэтике Максима Горького

В. А. Мескин

Российский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: vameskin@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновано предположение, что исследователи прозы эпохи кризиса сознания либо по цензурным соображениям, либо в силу инерции неадекватно представляли горьковский «закон красоты» и, как следствие, интерпретировали сочинения этого писателя либо в стороне, либо на периферии их «оси смысла». Отмечено, что в основе содержания произведений М. Горького, начиная с дебютных публикаций, лежит исключительно сложное миропонимание, сомнителен тот тезис, что Горький — исключительно «пролетарский писатель». Существенно признательное отношение Горького к известному немецкому мыслителю Ф. Ницше, сложившееся еще до начала его писательской карьеры и сказавшееся также на его произведениях — атеистических, лишенных метафизических измерений. Непредвзятый анализ художественного мира Горького выявляет очевидный факт, что автор не испытывал эмпатии ни к народным массам, ни к отдельным представителям народа. Этот крайне жестокий мир «свинцовых мерзостей» таков, каковы есть люди, его населяющие: «ближние» — в ироничном определении Ницше и «неудавшиеся людишки» — в понимании писателя и драматурга. Автор соглашается с тем, что Горький «выстрадал» свое мировидение, свое понимание человека, и этим объясняется если не сочувственное, то понимающее (эстетическое) отношение его повествователя к создаваемым характерам: равно и к мерзким, и к жалким, и к безликим, и к преступным, объединенным презрением к нормам христианской морали и этики. По мнению автора статьи, ницшеанская парадигма лежит в основе отношения писателя к революции, а позже — к «перековке» масс. Рассмотрение произведений Горького в связи с «модернистской» философией позволяет сделать вывод, что гуманизм писателя, о котором упоминали многие исследователи-горьковеды, не христианский, не классовый, а именно ницшеанский.

Ключевые слова: Серебряный век, Максим Горький, поэма «Человек», Ницше, гуманизм, мораль, идеал, поэтика, интерпретация, рецепция

Для цитирования: Мескин В. А. Ницшеанская парадигма красоты в поэтике Максима Горького // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 180–196. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16322. EDN: VZLVAO

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16322

EDN: VZLVAO

The Nietzschean Paradigm of Beauty in Maxim Gorky's Poetics

Vladimir A. Meskin

*Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: vameskin@yandex.ru

Abstract. This article substantiates the hypothesis that, either due to censorship considerations or inertia, scholars of prose of the crisis of consciousness era have inadequately understood Gorky's "law of beauty" and, consequently, have interpreted the writer's works either independently or on the periphery of their "axis of meaning." A complex worldview is at the heart of the content of his works, starting with his debut publications, and the view of Gorky is an entirely "proletarian writer" is questionable. According to the author, Gorky's appreciation of the German philosopher Friedrich Nietzsche, which had developed even before the beginning of his writing career, is clearly visible in his works, which are atheistic and devoid of metaphysical dimensions. An unbiased analysis of Gorky's artistic world reveals the fact that the author has no empathy for either the "masses" or their individual representatives. This extremely cruel world of "lead abominations" is precisely what the people who inhabit it are: "neighbors" — in Nietzsche's ironic definition, and "failed people" — in Gorky's understanding. The author agrees with the opinion that Gorky developed his worldview and understanding of man through suffering, which explains his equally understanding (aesthetic), if not sympathetic, narrator's attitude to the characters he creates – the vile, the pathetic, and the faceless, united by contempt for the norms of Christian morality and ethics. The author finds that the Nietzschean paradigm underlies the writer's attitude toward revolution and, later, toward the "reforging" of the masses. Examining Gorky's works in connection with "modernist" philosophy leads to the conclusion that his humanism, noted by the authors of many publications, is neither Christian nor class-based, but specifically Nietzschean.

Keywords: Silver Age, Maxim Gorky, poem "The Man", Nietzsche, humanism, morality, ideal, poetics, interpretation, reception

For citation: Meskin V. A. The Nietzschean Paradigm of Beauty in Maxim Gorky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 1, pp. 180–196. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16322. EDN: VZLVAO (In Russ.)

Понятие «закон красоты», часто упоминаемое в работах по искусству, ввел в середине XIX в. известный европейский мыслитель, противопоставляя сознательное творение красоты человеком ее бессознательному явлению в живой природе [Маркс: 89]. Им, атеистом, категорически отвергалась возможность обусловленности феномена красоты метафизическими началами, Абсолютом. В философско-эстетическом плане красота — абстракция субъектно-объектного ряда, заключающая в себе содержание и форму чувственно воспринимаемого совершенства. Идеал — ее исторически изменяемая проекция в образах нормативного порядка, отображающих характер, деятельность человека или социальной группы.

Закон красоты зиждется на понимании прекрасного и безобразного, должного и недолжного в связи с видением времени, места, способа реализации идеала. В истории словесности Нового времени творческие личности часто соотносили свои идеалы с будущим, по-разному объясняя обстоятельства, которые в конце более или менее длительного процесса будут способствовать чаемой реализации. Этот ряд авторов придерживался, как правило, материалистических взглядов, вера в исторический прогресс нередко заменяла им веру в Бога. Другие творческие личности соотносили свои идеалы с вертикально-религиозным опытом, с обращением к Абсолютному началу, которое призвано способствовать реализации их желаний, надежд. Соответственно, этот ряд авторов придерживался чаще взглядов религиозных, идеалистических. Абстрактному идеалу будущего в этом случае противопоставляется идеал, вытекающий из духовности прошлого-настоящего-будущего [Гачев: 57]. В обозримом прошлом в кругу прогрессистов теоретиками были, в частности, марксисты, теоретиками другого круга выступали, например, Вл. Соловьев и его последователи. Религиозный философ и поэт писал: «Интересы современной цивилизации — это те, которых не было вчера и не будет завтра. Позволительно предпочитать то, что одинаково важно во всякое время» [Соловьев: 5]. Об авторе, его законе красоты много говорит тот факт, к какому кругу он склоняется.

Трудность определения закона красоты и всего того, что с ним связано, обостряется в кризисные периоды истории, в эпохи утраты одних и поиска других истин, убеждений в самых разных сферах интеллектуальной жизни. Таким периодом был так называемый Серебряный век, конец XIX — начало XX столетия. Хотя и тогда, как всегда, были писатели, чей закон красоты очевиден, лежит, что называется, на поверхности. Они декларировали свой закон красоты и последовательно воплощали его в сочинениях. Таковы, например, А. Серафимович, И. Вольнов, Б. Тимофеев, С. Скиталец, другие писатели этого обширного круга. Они освещали общественно-бытовые, социально-исторические конфликты, при этом уверенно проводили в подтексте разделительную линию между тем, что хорошо и что плохо, между правдой и ложью, а иногда и открыто, в тексте, указывали читателям пути переустройства жизни по ими признанному закону красоты. Показательно в этом смысле признание Серафимовича. «...Я хотел, — говорил о своем воображаемом читателе этот видный представитель писателей-реалистов, — чтобы мои образы, как зубами, схватили его и привели к должным выводам» [Серафимович: 11]. Закон красоты для этого ряда писателей был тесно связан с революцией. Они исходили из того убеждения, что человек по природе добрый созидатель, что раскрыться этой мощи добра, созидания мешают неправильные социальные отношения. С их изменениями, верили они, с необходимостью будут решены все жизненные проблемы, неурядицы.

Центром писателей этого круга был Максим Горький. Научно-критическая литература о творчестве и мировидении этой личности огромна. Большею частью все сказанное о нем лежит в пределах того, что Ю. Боров называл «осью смысла» произведения. По доказательному выводу этого известного филолога-философа, при всей вариативности трактовок произведений искусства, включая, естественно, произведения литературы, каждая трактовка «тяготеет к определенному стержню, к определенному, хотя и способному к расширению, руслу» [Боров: 525]. При этом есть основания предполагать, что литературоведы часто не совсем точно определяли горьковский «закон

красоты», трактовали сочинения этого писателя как бы на периферии их «оси смысла». Иначе говоря, в пределах, но далеко от центра этой «оси», в некоторых случаях — очень далеко.

Сам себя Алексей Максимович называл революционером. «Я социал-демократ, потому что я — революционер...», — писал он Л. Андрееву [Горький и Леонид Андреев: 265]. Горький поощрял революционные порывы своих коллег в творчестве, но верил ли он, что социальная революция решит проблемы жизни, — это вопрос. Определенно — хотел верить, но, в отличие от многих своих революционно настроенных товарищей, Горький был человеком более эрудированным, интересовавшимся философией не меньше, чем изящной словесностью, и это не могло не ставить перед ним вопросы о многомерной природе человека, сложностях ее преобразования. О том, что Горький с юности имел страсть к отвлеченным знаниям, писали чуть ли не все биографы писателя.

Горьковский закон красоты не тот же, что у большинства писателей его окружения: он сложнее, не исчерпывается надеждой на социальную революцию, на революционные изменения в человеческой природе. Хотя есть и общее: закон красоты писателей этого круга почти не имеет метафизического дискурса. Максим Горький — редкий случай крупного писателя, художественный мир которого ограничен физическим миром, идеалы — исторической перспективой, без какого-либо намека на вертикально-религиозный опыт. Но именно метафизический дискурс обеспечивает долгую жизнь художественному произведению, выводит его из библиотечной беллетристики. Совершенно очевидно, писатель представлял революцию начальным этапом «перековки» людей, началом болезненного и длительного исторического процесса. Именно поэтому, вернувшись из эмиграции, он принял конвойную сталинскую Россию конца 1920–1930-х гг., увидел в ней продолжение процесса той же революционной «перековки», о чем приветственно писал в очерке «Соловки» (1929) и в книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934).

В любом случае чтение сочинений самого Горького не позволяет ответить на вопрос о его понимании целей и задач

революции однозначно. Темен, непригляден, нередко безобразен внутренний мир большинства его явно взятых из жизни персонажей. Положительных, тем более героических нет, есть отвратительные маргиналы, бунтари-изгои, есть слабые, вызывающие сочувствие персоналии. В относительно краткий период середины второго десятилетия творчества он являет небольшой ряд героев-революционеров, но их характеры, созданные на злобу дня, малоубедительны. Самый известный из них — Павел Власов, герой романа «Мать». Главный революционер-большевик той России В. Ленин, знавший толк в литературе, снисходительно назвал это сочинение Горького «своевременной книгой» [Горький; т. 17: 7].

В зрелом цикле «По Руси» (1912–1917) двадцать девять рассказов, и в них нет ни одной описанной с полной симпатией личности. Особняком стоит близкий самому автору характер, «проходящий», от лица которого ведется повествование. Здесь перемежаются типы звероподобные, жалкие и, так сказать, никакие. Нет героя — сетует автор-повествователь в рассказе «Герой» (1915), «жизнь неприглядна и грязна» [Горький; т. 11: 311]. Справедливо заключить, что и ранние рассказы, например, «Вывод» (1895), «Скуки ради» (1897), «Двадцать шесть и одна» (1899), и цикл «По Руси», и многие другие более поздние сочинения Горького — это преимущественно пугающее изображение ущербной природы человека, как бы ненужных людей. Интеграл этого изображения — повесть «Жизнь ненужного человека» (1908), жизнь несчастного бесцветного недотепы Евсея Климова, коему имя — легион. Вслед за тем написанные повести «Городок Окуров» (1909), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1911) — все о том же: о тоске, дикости, жестокости, самодурстве, о серой жизни ненужных людей, «неудавшихся людишек». В прошлом все самое мрачное в художественном мире Горького и не только объясняли неправильным государственным устройством. Сейчас это объяснение не кажется вполне убедительным.

Апофеоз горьковских обвинений в адрес человека как такового — рассказ «Зрители» (1917), один из самых выразительных в цикле «По Руси». Известно, что Горький осуждал Л. Андреева за рассказ «Бездна» — о звериных началах,

сокрытых в человеке, но именно о том же — его «Зрители». уј Но если, по Андрееву, звериное в человеке проявляется в исключительных обстоятельствах, то по Горькому, — это обыденность. Лошадиное копыто раздробило ногу сироте-подмастерью. Несчастный лежит, истекая кровью, на обочине. Множество городского люда проходит мимо ребенка, но никто не снисходит до помощи ему, более того, никто не выражает сочувствия. Кто-то ругает мальчонку за неосторожность, кто-то и смеется над ним. Самое знаковое в рассказе то, что в галерею равнодушных Горький вписывает представителей всех званий и сословий, это обобщенный портрет современника. Мальчик отполз к забору, оставив кровавый след в дорожной пыли, и к вечеру умер от жажды и гангрены.

В экспозиции рассказа «Рождение человека» (1912), открывающего указанный цикл, автор-повествователь замечает: солнцу часто «очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а — не удалась людишки...» [Горький; т. 11: 8]. Замечание не спонтанное, это философское обобщение плана содержания всего цикла и не только. Горьковское «не удалась» в адрес людского множества проходит через все его творчество, мысль озвучивается немногими исключительными, способными к осмыслению явлений жизни и масс персонажами. Так, например, добродушному либеральному ученому-биологу Протасову в пьесе «Дети солнца» (1905) народ представляется «водорослями и раковинами», присосавшимися к символическому кораблю, уносящему гениев мысли, вроде Лавуазье и Дарвина, в светлое будущее, «мертвыми клетками в организме» [Горький; т. 6: 320].

К массовому человеку, как он есть, у Горького нет выражения любви ни в прозе, ни в драматургии, ни в публицистике. В статье «Заметки о мещанстве» (1905) Горький с ненавистью пишет о сословии, представляющем большинство городского населения, ненависть вызвана его смиренным законопослушанием. Да, автор оправдывает свои гневные разоблачения тем, что они направлены против мещанского «строя души», но это не меняет дела. «Жалкое существо <...>, — рассуждает автор в конце статьи, — но о нем необходимо говорить больше всего, как это ни противно» [Горький; т. 23: 366]. Можно

предположить, что Горький понимает и принимает сельское население, крестьянство, но и это не так. Еще большей нелюбовью отличается многократно выраженное отношение писателя к крестьянству — за дремучее бескультурье и за ту же социальную пассивность. Об этом, по сути, его человеконенавистническая статья «О русском крестьянстве» (1922). «Не люблю я мужичка, — признается Горький в писательском общении, — не люблю. Вообще, не люблю деревни» [Шишков: 230]. Еще заметим, «мужичок» — это восемьдесят пять процентов населения тогдашней России. Но ненависть к людскому множеству — это опять-таки ненависть к человеку как он есть.

Горький видел темные потенции, таящиеся в народных массах, прежде всего жестокость, и все же призывал их к преодолению социальной пассивности. Под лозунгом свободы для всех революция выводила из-под государственного надзора и человек, и недочеловек, которых он в избытке описал в своих произведениях. Сомнения в благости тотального освобождения масс, причем провидчески, одолевали тогда многих писателей, и не только писателей, но не Горького. В период создания «Несвоевременных мыслей» (1917–1918) ожидаемый хаос смутил «буревестника революции», но ненадолго, а главное — не изменил выношенных целевых установок. У Горького есть публицистические признания в любви к человеку, «умному, доброму, сильному», но — на потом, «который явится когда-то в будущем» [Горький и Леонид Андреев: 373]. Это важный пункт горьковского закона красоты, по которому создавался его художественный мир. Эволюция — это долго, революция, согласно марксистской доктрине, — «локомотив истории». Писатель относился к революции как к началу грандиозной рукотворной «перековки» масс.

В советском прошлом, в котором Горький был возведен в ранг классика номер один, о его гуманизме, любви к людям было написано множество работ. И относительно недавно опубликованная статья начинается фразой: «Идея гуманизма владела М. Горьким на протяжении всей его творческой деятельности» [Михайлов: 204]. С внедрением в искусство метода «соцреализма» исследователи стали градуировать горьковский гуманизм,

писали о его «социалистическом» или «революционном», «новом» гуманизме. Но гуманизм, в классическом, иначе говоря, в христианском понимании, вне каких-либо определений — он либо есть, либо его нет. У Горького его нет. Евангельский гуманизм в письме 1928 г. он однозначно называет «плохой вещью» [Федин: 415].

В. Ходасевич, близко знавший мэтра, полагал, что горьковское отношение к людям было им выстрадано: «Он вырос и долго жил среди всяческой житейской скверны. Люди, которых он видел, были то ее виновниками, то жертвами, а чаще — и жертвами, и виновниками одновременно. Естественно, что у него возникла (а отчасти была им вычитана) мечта об иных, лучших людях» [Ходасевич: 160]. Ходасевич, периодически живший под одной крышей с Горьким, хорошо знал, где его старший товарищ «вычитал» эту мечту: там же, где уверовал в новый гуманизм и нашел свой закон красоты. Согласно этому новому гуманизму, человек современный, «ближний», не заслуживает любви, напротив, его, «падающего», следует подтолкнуть, любви заслуживает человек «дальний», идеальный, мыслимый.

Библиография на тему Горький и Ницше включает в себя множество публикаций (см.: [Басинский, 2001: 538]). Многие авторы говорят о большом влиянии философа на писателя, но эти работы не стали органической частью горьковедения. Со всей определенностью Ницше не связывается с «осью смысла» горьковских сочинений, а в учебных аудиториях Горький по-прежнему проходит как «пролетарский писатель».

Горький через всю жизнь пронес любовь к глашатаю нового гуманизма, к одиозному, по мнению многих, философу-антихристианину. О привязанности писателя к мыслителю, чью фотографию он носил у сердца, пишет в разделе «Ницше и Горький» П. Басинский: сочинения Ницше читались в еще не опубликованных переводах, с родной сестрой философа велась трогательная переписка [Басинский, 2005: 148, 150]. Парадоксальные мысли модного на рубеже веков немецкого мыслителя так или иначе широко отражаются во многих сочинениях русского писателя. В книге «Так говорил Заратустра» Ницше рассуждал о необходимости «преодолеть» того

человека, который есть, в книге «Рождение трагедии из духа музыки» говорится, в частности, об отвращении к миру, который есть. Все это весьма тесно соотносится с картинами «людишек» и «свинцовых мерзостей жизни», которые Горький нарисовал во множестве до и после повести «Детство».

На рубеже Нового и Новейшего времени «следы» Ницше, чаще в плане полемики, можно найти чуть ли не у каждого большого писателя, но признаваться в симпатии к нему было плохим тоном. Горький, в числе немногих, признавался, что ему «нравится» Ницше [Басинский, 2005: 150, 151]. Популяризируя радикального мыслителя, он писал Л. Андрееву:

«Так вы купите себе книжку Лихтенберже "Философия Ницше"...» [Горький и Леонид Андреев: 88].

Трудно найти писателя, который бы тогда, как Горький, со всей ницшеанской определенностью заявлял: «Бога — нет...», которого не пугала бы кровь баррикадных боев:

«Убивают? Надо убивать» [Горький и Леонид Андреев: 129, 252].

Думается, отсюда вышло и его известное предписание 1930-х гг. относительно внутренней оппозиции: «Если враг не сдается, — его уничтожают».

Гуманизм предполагает сострадание к человеку как он есть, отношение с презумпцией невиновности, но это все мало характерно для Горького, для его специфического человеколюбия. Речения Ницше вошли в его подсознание. И название упомянутого цикла очерков могло быть заимствовано: у немецкого философа есть книга «Несвоевременные мысли», в других переводах — «размышления». И в выражении «а не удалась людишки» тоже, с большой долей вероятности, реминисцирует Ницше. В его сборнике «Антихрист» есть строчки:

«Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом» [Ницше: 633].

Трудно сказать, в полной ли мере Горький принимал эту мысль: в отличие от немецкого философа, он соизмерял границы добра и зла, не стоял «по ту сторону» того и другого. В некоторых случаях он пытался соединить гуманизм ницшеанского

толка с классическим гуманизмом, например, в известной «Легенде о Данко», или с марксизмом — в романе «Мать», но малоуспешно, неубедительно.

В упомянутом разделе книги «Горький» П. Басинский замечает, что писатель познакомился с работами Ницше до начала своей писательской карьеры. Но, очевидно, это было не просто знакомство. С самых первых публикаций и далее парадигма глашатая кризиса гуманизма, взрывавшего в европейском интеллектуальном сознании со времен Возрождения, проходит через все горьковское творчество. В книге «Так говорил Заратустра» есть строки:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. <...> Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором» [Ницше: 8].

Автор сборника «По Руси», рассказа «Зрители», создатель множества *Евсеев, Матвеев* по-своему иллюстрирует эти строки.

Свобода — высшая ценность, она выше любви, выше самой жизни. Эта трактовка дебютного «Макара Чудры» небезосновательна в пределах «оси смысла», но надо видеть и несомненное сверхчеловеческое в характерах и Лойки, и Радды. Их, по сути, самоубийства, с точки зрения христианской логики не поддаются разумению. В романтической «Старухе Изергиль» (1894) положительный персонаж — Данко, но нельзя не заметить, что только злодей-ницшеанец Ларра, сын орла и красивейшей женщины, обрисован с нескрываемым авторским восхищением.

Сверхчеловеческое заявляет о себе во многих образах изгоев, маргиналов начинающего прозаика. Вор или гулящая девица — они более отвергающие, чем отвергнутые. «Проходящий», от чьего лица ведется повествование в рассказах Горького первых десятилетий творчества и под маской которого скрывается сам автор, не без восхищения взирает даже на крайнего подлеца, если тот презирает мещанскую (по сути, христианскую) мораль. Он благодарен мерзавцу на ницшеанской подкладке Шакро, персонажу рассказа «Мой спутник» (1894), за урок презрения к принятым нормам морали, правилам этой жизни:

«Он научил меня многому, чего не найдешь в толстых фолиантах, написанных мудрецами...» [Горький; т. 1: 446].

Позже Горький описывает еще более неприятного персонажа в рассказе «Проходимец» (1897): для него тоже нет ничего святого, всю жизнь он подталкивал падающих, но и в этих описаниях нет ни толики осуждения, лишь «интерес».

Ницшеанская парадигма, очевидно, так основательно поразила Горького, что заявляла о себе и тогда, когда он сам этого не желал. Так, намереваясь создать оппонирующий ницшеанцу характер в одном из самых лучших своих художественных сочинений, в пьесе «На дне» (1902), Горький, можно сказать, терпит поражение: возвращается туда, откуда уходил. Драматург сам признавался в намерении дать противопоставление. «Основной вопрос, который я хотел поставить, — поведал он после премьерной постановки в письме к Андрееву, — это — что лучше, истина или сострадание? Что нужнее? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука» [«На дне» М. Горького: 223].

Эта не совсем логичная дилемма, подводящая к авторскому объяснению исходного конфликта драмы, была принята едва ли не всеми писавшими о пьесе. Но такое объяснение исходного конфликта, сути драмы весьма далеко отстоит от «оси смысла», от того, что на самом деле вышло из-под пера Горького. Творчество имеет свою, не зависимую от намерений автора силу. Ближайшее рассмотрение Сатина и Луки показывает их основательную ментальную близость, и это было подмечено проницательным современником Горького почти сразу после того, как пьеса вышла на подмостки (косвенно — и другими современниками).

Горьковедение прошло мимо убедительного критического анализа «На дне», сделанного Н. Стародумом через год после премьеры. Постоянный оппонент писателя и драматурга проницательно указал на единомыслие Сатина и Луки — при ведущей роли Луки: «Главная основа учения Луки потому сходится с учением Сатина, что для них обоих центром является не то или другое нравственное правило, не вера во что-либо,

а их эгоистическое представление о человеке, как собственном центре и центре всего окружающего»¹.

Действительно, эти персонажи близкородственны, главное — они сходятся в презрении к ближнему, к человеку, при этом один носит это презрение в себе, другой выражает во всеулышание. Мнимые антагонисты интересны друг другу, перебрасываются глубокомысленными фразами о Боге и нигде не сходятся в спорах, на которых, заметим, строится пьеса. Многолетние дискуссии о силе и слабости, истинности и ложности позиций в паре Лука — Сатин не имеют под собой достаточно оснований. Это ницшеанский дуэт. Значимо и то, что после побега Луки из ночлежки, когда ее обитатели стали ругать старика, ложного утешителя, лишь Сатин выступил в его защиту:

«Молчать! Вы — все — скоты! Дубье... <...> Старик — не шарлатан!» [Горький; т. 6: 165].

Сатинская защита строится на утверждении, что Лука в своих проповедях исходил из правильного понимания того, что есть человек. Другое дело, истинный человек, в понимании Сатина, — это нечто равное Наполеону и Магомету. Развернутый панегирик Луке завешается фразой:

«Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...» [Горький; т. 6: 166].

Фраза эта может значить только то, что Лука укрепил его в ранее выношенных взглядах на ближнего человека, на текущую жизнь. Лука выполняет тут «просветительскую» функцию Шакро из упомянутого выше рассказа «Мой спутник».

О том, что «На дне» не просто социальная драма, писал Горькому вскоре после премьеры Андреев, заметив, что пьесу хвалят, не понимая того, что хвалят [Горький и Леонид Андреев: 168]. О непонимании глубины пьесы, о том, что ее содержание не исчерпывается противопоставлением Луки и Сатина, вслед за Андреевым убеждал драматурга И. Анненский.

¹ Стародум Н. (Стечкин Н. Я.) Максим Горький (его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества) // Русский Вестник. СПб.: Типо-лит. В. В. Комарова, 1904. Т. 291. № 5–6. С. 302 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB20001130?page=1&rotate=0&theme=white (30.08.2025).

Он указал на философскую проблематику пьесы и, что особенно важно, на неполное понимание автором того, что он создал: «...Горький сам не знает, может быть, как он любит красоту; а между тем ему доступна высшая форма этого чувства, та, когда человек понимает и любит *красоту мысли*» [Анненский: 77]. О том, что горьковская интуиция «больше его сознания», писал, правда по другому поводу, А. Блок, соглашаясь в известной статье «О реалистах» с другими критиками [Блок: 101].

В финальной части пьесы свое слово о человеке, о том, что ему требуется в жизни, высказал Бубнов — персонаж, явно маркированный автором как отрицательный:

«Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад!» [Горький; т. 6: 175].

Эту позицию Горький отвергал всю свою творческую жизнь, начиная с ранней «Песни о Соколе» (1895):

«Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...» [Горький; т. 1: 483].

Подобные маркировки, отрицания, пафосные высказывания о должном человеке способствовали распространению мнения о Горьком как о писателе максималисте-гуманисте. В конце концов он и сам принял титул «человекопоклонника», о чем признавался в письме Л. Толстому: «Всегда был, есть и буду человекопоклонником...» (1900) [Горький; т. 28: 121]. Но вот вопрос: какого человека он превозносил в свете своего закона красоты и относительно «оси смысла» своих сочинений, какому человеку поклонялся? Есть основание полагать, что к воображаемому «дальнему» Горький относился с бóльшим пиететом, чем к реальному «ближнему».

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Драма на дне // Анненский И. Ф. Книги отражений / подгот. изд. Н. Т. Ашимбаевой, И. И. Подольской, А. В. Федорова. М.: Наука, 1979. С. 71–81. (Сер.: Лит. памятники.)
2. Басинский П. В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): [сб. ст.: в 2 кн.]. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. Кн. 1. С. 505–539 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

- biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Russkaya_literatura_rubezha_vekov_1890-e_nachalo_1920-h_godov_.Tom_1_2001.pdf (30.08.2025).
3. Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
 4. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1962. Т. 5: Проза 1903–1917. 799 с.
 5. Боров Ю. Б. Эстетика: в 2 т. 5-е изд., доп. Смоленск: Русич, 1997. Т. 2. 640 с.
 6. Гачев Г. Д. Русская Дума: портреты русских мыслителей / литогр. Ю. Селиверстова. М.: Новости, 1991. 272 с.
 7. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949–1955.
 8. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с. (Сер.: Лит. наследство; т. 72.)
 9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: АСТ, 2023. 224 с.
 10. Михайлов М. И. Максим Горький и символизм в контексте проблемы гуманизма // Максим Горький: pro et contra: антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. С. 204–208 [Электронный ресурс]. URL: <https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/090/11%20M.%20И.%20Михайлов.pdf> (30.08.2025). (Сер.: Русский Путь.) EDN: YWMZAV
 11. «На дне» М. Горького: материалы и исследования / общ. ред. Ю. Юзовского. М.; Л.: Всерос. театрал. о-во, 1940. 288 с.
 12. Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
 13. Серафимович А. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 416 с. (Сер.: Б-ка «Огонек». Отеч. классика.)
 14. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. С. 5–170.
 15. Федин К. Александр Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 412–419. (Серия лит. мемуаров.)
 16. Ходасевич В. Горький // Ходасевич В. Некрополь: воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М.: СС, 1996. С. 149–175.
 17. Шишков В. Встречи // Горький: сб. ст. и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 225–253.

References

1. Annenskiy I. F. Drama “The Lower Depths”. In: *Annenskiy I. F. Knigi otrazheniy* [*Annenskiy I. F. Books of Reflections*]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 71–81. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
2. Basinskiy P. V. Maxim Gorky. In: *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov): sbornik statey: v 2 knigakh* [*Russian Literature at the Turn of the Century (1890s — Early 1920s): a Collection of*

- Articles: in 2 Books*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2001, book 1, pp. 505–539. Available at: https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Russkaya_literatura_rubezha_vekov_1890-e_nachalo_1920-h_godov_.Tom_1_.2001.pdf (accessed on August 30, 2025). (In Russ.)
3. Basinskiy P. V. *Gorky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 451 p. (Ser.: The Life of Remarkable People.) (In Russ.)
 4. Blok A. A. *Sobranie sochineniy: v 8 tomakh* [*The Collected Works: in 8 Vols*]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962, vol. 5: Prose 1903–1917. 799 p. (In Russ.)
 5. Borev Yu. B. *Estetika: v 2 tomakh* [*Aesthetics: in 2 Vols*]. 5th ed., supplemented. Smolensk, Rusich Publ., 1997, vol. 2. 640 p. (In Russ.)
 6. Gachev G. D. *Russkaya Duma. Portrety russkikh mysliteley* [*Russian Duma. Portraits of Russian Thinkers*]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 272 p. (In Russ.)
 7. Gor'kiy M. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Collected Works: in 30 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1949–1955. (In Russ.)
 8. *Gor'kiy i Leonid Andreev: neizdannaya perepiska* [*Gorky and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence*]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 630 p. (Ser.: Literary Heritage; vol. 72.) (In Russ.)
 9. Marx K. *Ekonomicheskoye i filosofskoye rukopisi 1844 g.* [*Economic and Philosophical Manuscripts of 1844*]. Moscow, AST Publ., 2023. 224 p. (In Russ.)
 10. Mikhaylov M. I. Maxim Gorky and Symbolism in the Context of the Problem of Humanism. In: *Maksim Gor'kiy: pro et contra: antologiya. Sovremennyy diskurs* [*Maxim Gorky: Pro et Contra: Anthology. Modern Discourse*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2018, pp. 204–208. Available at: <https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/090/11%20M.%20И.%20Михайлов.pdf> (accessed on August 30, 2025). (Ser.: The Russian Way.) EDN: YWMZAV (In Russ.)
 11. “Na dne” M. Gor'kogo: *materialy i issledovaniya* [*“The Lower Depths” by M. Gorky: Materials and Researches*]. Moscow, Leningrad, Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1940. 288 p. (In Russ.)
 12. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 tomakh* [*Works: in 2 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2. 829 p. (In Russ.)
 13. Serafimovich A. S. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [*The Collected Works: in 4 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 1. 416 p. (Ser.: “Ogonyok” Library. Patriotic Classics.) (In Russ.)
 14. Solov'yov V. S. Readings About God-Manhood. In: *Solov'yov V. S. Sochineniya: v 2 tomakh* [*Solov'yov V. S. Works: in 2 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 2, pp. 5–170. (In Russ.)
 15. Fedin K. Alexander Blok. In: *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*Alexander Blok in the Memories of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, vol. 2, pp. 412–419. (Series of Literary Memoirs.) (In Russ.)

16. Khodasevich V. Gorky. In: *Khodasevich V. Nekropol': Vospominaniya. Literatura i vlast'. Pis'ma B. A. Sadovskomu* [*Khodasevich V. Necropolis: Memories. Literature and Power. Letters to B. A. Sadovsky*]. Moscow, SS Publ., 1996, pp. 149–175. (In Russ.)
17. Shishkov V. Meetings. In: *Gor'kiy: sbornik statey i vospominaniy o M. Gor'kom* [*Gorky: Collection of Articles and Memoirs About M. Gorky*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928, pp. 225–253. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мескин Владимир Алексеевич, докт- **Vladimir A. Meskin**, PhD (Philology), тор филологических наук, профессор, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba (ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2, г. Москва, Российская Федерация, 117198); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-8060>; e-mail: vameskin@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.12.2025

Принята к публикации / Accepted 15.12.2025

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026